



DISCURSURI POLEMICE

DESPRE ASPECTUL ANTROPOLOGIC AL RELAȚIILOR INTERNAȚIONALE CONTEMPORANE

Vladimir GUTOROV, *doctor habilitat în filosofie,*
Universitatea de Stat din Sankt-Peterburg

Rezumat

În articol sunt analizate unele momente importante ale dezbaterilor referitoare la influențele procesului globalizării asupra condițiilor fundamentale ale existenței umane. Autorul analizează influențele asupra domeniilor: politic, economic, educațional. O atenție deosebită se acordă modificărilor din conținutul relațiilor internaționale ce au loc în lumea postcomunistă și tendințelor ce pot determina depășirea lor.

Cuvinte-cheie: *relații internaționale, globalizarea, geopolitica, postdemocrația, civilizația, învițământul.*



ON THE QUESTION OF ANTHROPOLOGICAL APPROACH TO MODERN INTERNATIONAL RELATIONS

Vladimir GUTOROV, *Ph. D. in Philosophy,*
Universitatea de Stat din Sankt-Peterburg

Abstract

In the article some important moments of discussion about the influence of globalization process on fundamental conditions of human existence including political, economic and educational spheres are analyzed. The main attention is paid to the new configuration of international relations which intensifies the contradictions in post-communist world and to the tendencies promoting their surmounting.

Keywords: *international relations, globalization, geopolitics, post-democracy, civilization, education.*

К ВОПРОСУ ОБ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К СОВРЕМЕННЫМ МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ

На состоявшейся 2 апреля 2013 г. научно-практической конференции «Международные отношения – специфическое поле интеллектуальной активности. Вклад сопутствующих институтов», организованной Институтом международных отношений Молдовы (г. Кишинев) был представлен ряд интересных докладов, посвященных глобальным проблемам современности и теории международных отношений. Их содержание во многих аспектах представляется мне дискуссионным и заслуживающим дополнительного критического обсуждения (см.: 1; 2; 3; 4).

Начнем с глобальных проблем. В докладе Я. Яскевич «Глобальные политические риски и сценарии цивилизационного развития» встречается, например, следующее аналитическое рассуждение: «В



XXI столетии *классическая геополитика*, которую называют *силовой геополитикой*, поскольку она зародилась в эпоху передела мира между империалистическими государствами, трансформируется в *глобальную геополитику (цивилизационную)*, в основу которой должны быть положены постулаты о едином историко-культурном пространстве, многообразии гецивилизаций, толерантности идеологий, политических культур, конфессий, переход от логики конфронтаций и представлений о войне как продолжении политических отношений к логике компромисса и сотрудничества. В рамках глобальной политики осуществляется антропологический поворот, в соответствии с которым человек выступает как один из важнейших географических факторов геополитики, гуманизм здесь оборачивается к вопрошаемому мыслителю новой гранью – это уже не прометеевский гуманизм единого дома на Земле. В пространстве глобальной геополитики человек не может и не желает оставаться слепым исполнителем геополитических законов, человек – это и носитель локального цивилизационного генотипа, и выразитель социокультурной доминанты в хозяйственной деятельности, языке, образе мыслей, и исполнитель политической воли... Так называемая *Беловежская геополитическая эпоха*, наступившая после распада Советского Союза и мировой системы социализма, ознаменовала завершение «холодной войны», с претензией США на утверждение однополярного мира. Сегодня эта эпоха должна во имя сохранения и выживания человечества трансформироваться в *глобально-коммуникативную геополитическую эпоху мировой истории* с моделями диалога культур и цивилизаций, народов и религий, несилевой моделью принятия решений на национальном и глобальном уровнях, идеалами взаимоуважения и толерантности, согласия и сотрудничества, несмотря на пока еще реальные сценарии и прогнозы относительно конфигурации современного многополярного мира с экономическими, политическими, военными и цивилизационными «полюсами» и «центрами силы»» (2, с. 175-176).

В рамках данного, наполненного пророческим оптимизмом, рассуждения автор не только рассматривает перспективы наступления новой геополитической эры с позиции «долженствования», весьма характерной для многих политических теоретиков, специализирующихся в области геополитики, но и выражает надежду на радикальную трансформацию человеческой природы, которая по своему размаху вполне сможет соответствовать глубине веры в грядущий поворот в



мировой истории. Такого рода иллюзии далеко не единичны. В XX веке они регулярно возникали с каждым новым десятилетием и их не могли искоренить даже такие страшные катастрофы, каковыми были первая и вторая мировые войны. Ровно десять лет назад в предисловии к работе итальянского историка А.Д. Де Робертиса «Администрация Рузвельта и коллективная безопасность» мне пришлось следующим образом комментировать оптимизм великого американского президента в отношении нового мирового порядка, создаваемого лидерами великих держав под эгидой ООН: «И Рузвельт, и Сталин оказались достаточно прозорливыми, подчеркивая на конференции в Ялте, что механизм новой международной организации призван гарантировать мир, по крайней мере, на ближайшие пятьдесят лет. И действительно, именно на шестом десятке лет ее существования совершенное США и некоторыми их западноевропейскими союзниками нападение на Югославию в обход ООН и Совета Безопасности, равно как и продемонстрированное США в сентябре 2002 г. явное намерение осуществлять военные акции против Ирака, не считаясь даже со своими ближайшими партнерами по НАТО, выразившееся, в частности, в бесцеремонном заявлении госсекретаря Колина Пауэлла, что США начнут военные действия, даже если не удастся получить на это санкцию ООН, означают, что наступил новый период мировой истории, который, увы, может отбросить цивилизованные народы к уже, казалось бы, давно пройденным эпохам. Именно поэтому приводимые автором слова из обращения Рузвельта к конгрессу США 1 марта 1945 г. о том, что конференция в Крыму, окончательно санкционировавшая создание ООН, означает «конец системы односторонних действий, монопольных альянсов, сфер влияния, равновесия сил и всех прочих уловок, которые были испробованы на протяжении веков и потерпели банкротство» теперь уже кажутся столь же далекими от современной американской внешней политики, как эпоха похода ахейцев на Трою. Эпитафией к этому обращению, ставшему, по существу, политическим завещанием вскоре умершего американского президента, звучат слова того же Пауэлла, сказанные во время слушаний в комитете по иностранным делам палаты представителей по поводу предстоящих военных действий против Ирака: “В случае, если Совет Безопасности проявит неспособность к решительным действиям, Соединенные Штаты должны располагать возможностью действовать в одностороннем порядке”» (5, с. 7-8).



Весьма характерно, что еще до того как мировые державы, одержавшие победу над нацизмом, перешли к новой стадии конфронтации в рамках «холодной войны», в Западной Европе и США имелось немало ученых и интеллектуалов, не только не поддававшихся всеобщей эйфории, распространявшейся пропагандистами глобального мира, но и сохранявшими изрядную долю скептицизма в отношении перспективы радикального изменения человеческой природы. Одним из них был Ганс Моргентау – основатель школы «политического реализма». «Фукидид, Макиавелли, Ришелье, Гамильтон или Дизраэли, - отмечал Моргентау в книге “Человек науки против политики власти” (1946 г.), - всегда воспринимали природу международной политики как непрерывную борьбу за выживание и власть. Верно и то, что даже до того, как возникло новое направление международной мысли, эта концепция международных отношений подвергалась постоянным нападкам. Начиная с отцов церкви до писателей-антимакиавеллистов восемнадцатого века, международная политика превратилась в объект морального осуждения. Но современная международная мысль идет дальше. Она отрицает не только моральную значимость политической власти, суть которой и состоит в постоянном опровержении рациональных ценностей истины и справедливости; она отрицает, если не само фактическое существование политики власти, то, по крайней мере, ее органическую и неизбежную связь с жизнью человека в обществе. Френсис Бэкон только предрекал, что господство человека над природой придет на смену порабощению человека человеком. Но для ведущей международной мысли девятнадцатого века это пророчество стало истиной... В рациональной общественной системе нет места насилию. Поэтому для среднего класса жизненно важной (как в практическом, так и в интеллектуальном плане) становится проблема – каким образом избегать вмешательства извне, в особенности – насильственного вмешательства, поскольку тончайший механизм социальной и экономической системы предполагает рациональность мира в самом широком смысле этого слова. Возвышая эту проблему до уровня абсолютно непогрешимого философского и политического постулата, либерализм упускал из виду как уникальность, так и совершенно исключительный характер того опыта, в рамках которого эта проблема возникла. Ведь отсутствие организованного насилия в течение длительных исторических периодов является скорее исключением, чем правилом во внутренних, но не в меньшей степени



и в международных отношениях» (6, р. 42-43). Развивая свою критику либеральной концепции власти, Г. Моргентау вполне справедливо подчеркивал, что либерализм твердо стоит на ногах, когда он отвергает насилие во внутривнутриполитических делах. Ведь он в значительной степени заменил господство с помощью открытого насилия системой косвенного господства, ведущего свое происхождение из специфических потребностей среднего класса и дающего ему преимущество в борьбе за политическую власть. Однако международные отношения никогда не перерастали «долиберальной» стадии. Даже там, где юридические отношения скрывают отношения власти, власть должна пониматься в терминах насилия – актуального и потенциального. Потенциальное насилие всегда имеет тенденцию к превращению в реальную войну. Различие между войной и миром состоит не в сущности, а в степени. Либералы, обманутые внешним сходством между международным миром и миром во внутренних делах в новейший период, перенесли свой местный опыт в международную сферу, приравнивают различие между войной и миром к различию между автократическим насилием и либеральной рациональностью (6, р. 49 – 50). Основную причину краха традиционной политической философии либерализма Моргентау усматривал в несоответствии между статичной (хотя и необходимой человеку) системой интеллектуальных допущений и крайне подвижным характером современной жизни, постоянно формирующей новый опыт. Не сумев выразить того, что «человек улицы» «смутно предчувствовал, но все же сильно ощущал», а именно, - власти иррациональных сил над его жизнью, оставив без ответа вызовы новой политики, основанной на свойственной всем людям жажде власти, рациональная политическая философия уступила место не менее ущербной практической философии фашизма, рассматривавшей человека просто как объект политических манипуляций (6, р. 7-9). «Политика должна быть понята посредством разума, - писал Моргентау в завершении своего «обвинительного акта», - и все же не в разуме она находит свою модель» (6, р. 10).

На наш взгляд, сформулированная выше позиция сохраняет актуальность и в наши дни. В настоящее время общественных науках нет недостатка в прогнозах относительно перспектив эволюции политических систем и политической власти на микро-и макро-уровнях, т.е. в мировом и региональном измерениях. Вдаваться во все нюансы научной полемики нет никакого смысла, поскольку при всем ее многообразии общий характер

поднимаемых вопросов является, на наш взгляд, вполне ясным и определенным. Мы в очередной раз переживаем время, когда пессимизм является наилучшим лекарством против самообольщения и когда трезвый взгляд на вещи как никогда прежде необходим. Никакие пророчества о наступлении новой эры глобализации, несущей пересмотр традиционных представлений о государстве, власти, правах человека и т.д., не могут быть приняты во внимание без предварительного научного анализа. «Наиболее фундаментальным элементом пессимизма, - отмечал Жорж Сорель в письме Даниэлю Галеви от 15 июля 1907 г., - является сам его метод поиска путей к освобождению...» (7, р. 34). Констатируя - с каким равнодушием большинство жителей Западной Европы, равно как и россиян наблюдали с телеэкранов трагедию, разворачивающуюся в Ираке и других странах Ближнего и Среднего Востока, поневоле желаешь утешить себя тем доводом, что для рода человеческого такое состояние безразличия является вполне обычным и что оно повторялось в истории множество раз. Приятно, конечно, утешать себя позаимствованными у О. Шпенглера следующими меланхолическими рассуждениями: «Все ставшее преходяще. Преходящи не только народы, языки, расы, культуры. Через несколько столетий не будет уже никакой западноевропейской культуры, никаких немцев, англичан, французов, как во времена Юстиниана уже не было никаких римлян... Преходяща любая мысль, любая вера, любая наука, стоит только угаснуть умам, которые с необходимостью ощущали миры своих "вечных истин" как истинные... Мы знаем это. Животное этого не знает...» (8, с. 329). Возможно, даже наверное, что Шпенглер прав. Но можно быть вполне уверенным и в том, что когда какую-либо нацию охватывает обывательское «историческое любопытство» (которое чаще всего сродни полной апатии), это является симптомом того, что она исчезнет с исторической арены гораздо скорее тех народов, которые в различные времена претендовали и еще претендуют на роль «первенствующих на земле».

Следует отметить, что в современной научной литературе охарактеризованная выше разновидность «эффекта театра» уже давно стала объектом для скрупулезного анализа. Например, уже во второй половине 1990-х гг. И. Валлерстайн в одном из своих эссе, имеющем название «Мир, стабильность и легитимность, 1990 – 2025/2050», следующим образом (а именно, - в форме риторического вопроса) охарактеризовал перспективную реакцию как нынешнего, так и будущих поколений на возможные войны и конфликты между Японией,



США и объединенной Европой: «И кто достаточно силен морально и в военном отношении, чтобы ставить такие заслоны? Кто готов вкладывать свои ресурсы в это, особенно с учетом интенсифицирующегося едва балансируемого соперничества Север – Север (Япония – США против ЕС)? Там и сям какие-то усилия будут предприниматься. Но большей частью мир будет просто взирать на происходящее, как это было во время ирано-иракской войны и как происходит в бывшей Югославии или на Кавказе, а на самом деле даже в гетто американских городов. Это станет еще более верным, когда возрастет число развивающихся одновременно конфликтов Юг - Юг» (9, с. 367).

В этом плане вряд ли стоит рассчитывать на то, современные западные демократии окажутся способными в ближайший исторический период преодолеть настроения пессимизма и апатии, сопутствующие новому мировому кризису, поразившему капиталистический мир в 2008-2009 гг. Тем не менее, такого рода надежды возникают вновь и вновь, оказывая влияние и на ученых-обществоведов. Проявлялись они и на нашей конференции. «...Ценностно-политический аспект международных отношений, - отмечает, например, Л. Брага, - представляется одним из наиболее важных областей политологических исследований, которые способствуют осмыслению международных взаимодействий с точки зрения их качества, в то же время, позволяя идентифицировать некоторые новые, характерные для современной эпохи, тенденции в их эволюции... Отправной точкой в изучении ценностно-политического содержания последних должно служить их осмысление исходя из контекста глобализационных изменений современного мира... В этой связи, предполагается, что активное воздействие со стороны «развитых демократий» на политические процессы, разворачивающиеся в странах демократической модернизации, может и должно способствовать продвижению демократии. Подобные установки с необходимостью получают свое адекватное отражение и закрепление в международных документах. В частности, 27 июля 2000 года в Варшаве представителями более 100 стран была подписана «Декларация к сообществу демократий», которая, провозгласив «универсальные демократические ценности», изложила общие принципы и обязательства создаваемого Сообщества, включая защиту прав, сформулированных во Всеобщей декларации прав человека. Принятая декларация, указав на глубокую связь между демократией и гражданским обществом, уровнем его развития и культурой, особо подчеркнула важность поддержки гражданского общества с его



свободными и честными выборами, беспристрастной и независимой судебной системой, прозрачностью и подотчетностью в правительстве, подотчетностью властей перед гражданами и др.» (З, с. 184, 186).

Разумеется, можно верить и выражать надежду на то, что ценности либеральной демократии и гражданского общества, постоянно воспроизводимые в многочисленных международных декларациях, будут еще долго сохранять силу и оказывать влияние на политические процессы. Однако нельзя закрывать глаза на те вполне реальные процессы, которые неудержимо влекут западный мир в направлении формирования принципиально нового политического порядка, который некоторые политологи называют «постдемократией». Под постдемократией, - отмечает британский политолог К. Крауч, - понимается «система, в которой политики все сильнее замыкались в своем собственном мире, поддерживая связь с обществом при помощи манипулятивных техник, основанных на рекламе и маркетинговых исследованиях, в то время как все формы, характерные для здоровых демократий, казалось, остаются на своем месте... Я не утверждал, что мы, жители сложившихся демократий и богатых постиндустриальных экономик Западной Европы и США, уже вступили в состояние постдемократии. Наши политические системы все еще способны породить массовые движения, которые, опровергая красивые планы партийных стратегов и медиаконсультантов, тормозят политический класс и привлекают его внимание к своим проблемам. Феминистское и экологическое движение служат главными свидетельствами наличия такой способности. Я пытался предупредить, что, если не появится других групп, способных вдохнуть в систему новую жизнь и породить автономную массовую политику, мы придем к постдемократии... Постиндустриальные общества продолжают пользоваться всеми плодами индустриального производства; просто их экономическая энергия и инновации направлены теперь не на промышленные продукты, а на другие виды деятельности. Точно также постдемократические общества и дальше будут сохранять все черты демократии: свободные выборы, конкурентные партии, свободные публичные дебаты, права человека, определенную прозрачность в деятельности государства. Но энергия и жизненная сила политики вернется туда, где она находилась в эпоху, предшествующую демократии, - к немногочисленной элите и состоятельным группам, концентри-



рующимся вокруг властных центров и стремящимся получить от них привилегии» (10, с. 7-9).

В рамках такой перспективы современные пост-коммунистические страны оказываются в очень незавидном положении: обладая только внешними атрибутами демократических режимов, они явно демонстрируют тенденцию к формированию собственной версии «постдемократии», лишенной каких-либо преимуществ традиционных западных демократий. Применительно к Молдове ситуация такого рода вполне определенно была охарактеризована в докладе Г. Роговой: «С одной стороны в Молдове, как в обществе развивающейся демократии, все еще ощутимо присутствие черт тоталитарного экономического, политического и идеологического строя: неравного и несправедливого распределения собственности, внеэкономического принуждения и т.д., отсутствие гармонического взаимодействия личности и государственных институтов, гражданского общества и государственных структур. Живучи еще рудименты тоталитаризма в общественном сознании» (4, с. 277-278).

Современные тенденции в международных отношениях могут только усиливать подобные тенденции в пост-коммунистическом мире. Сегодня, пережив опыт «бархатных революций» в Центральной и Восточной Европе и краха СССР и Варшавского блока, мы можем совершенно отчетливо видеть, что ценностные характеристики власти такого рода полностью сохраняют свою актуальность. Ведь нет никаких оснований считать, что парадигма развития индустриального (или даже постиндустриального) общества радикально изменилась после того, как мир почти внезапно стал однополярным. Вершители его судеб вряд ли откажутся от перспективы дальнейшего обогащения в рамках традиционной парадигмы, коль скоро для «увечковечения опасности» требуется только создать образ нового глобального врага. Кампания по борьбе с «международным терроризмом», оккупация Ирака, политические интриги против Сирии и усиленная подготовка США и их союзников к широкомасштабной войне с Ираном – этапы на пути реализации вполне традиционной стратегии, прикрываемой риторикой, мало отличимой от тех идеологических штампов, которыми пестрела антикоммунистическая пропаганда эпохи «холодной войны». Совершенно не случайно, поэтому, английский социолог Э. Гидденс сравнивает современную глобальную систему с «лоскутным одеялом», имея в виду отсутствие баланса между бедностью и богатством, а также отсутствие как политической интеграции, так и согласия между

нациями и регионами, что само по себе является источником усиления международной напряженности (11, с. 513).

Тем не менее, нельзя отрицать, что специфический характер нового миропорядка продолжает влиять на постепенную трансформацию политической власти и политической культуры в направлении их униформизации в различных регионах, например, в результате новых форм взаимоотношения между Западом и посткоммунистическими странами. При этом следует подчеркнуть, что независимо от того, какую роль западные неоконсерваторы и радикальные либералы в Восточной Европе и России приписывали государству в новой конфигурации власти общий характер политической эволюции, основные механизмы которой сформировались после второй мировой войны, остаются неизменными.

В свое время, Г. Маркузе настаивал на тезисе, согласно которому западная социально-политическая система движется от традиционного плюрализма к формированию «одномерного общества» вследствие комбинации управляемого характера современной экономики и роста бюрократии на всех уровнях. Ведущая тенденция западной политической культуры состоит в ее «деполитизации», т.е. в выкорчевывании политических и моральных вопросов из социальной жизни, являющемся результатом обладания техническими средствами, о также роста производительности и эффективности. «Инструментальный рассудок», возникающий как побочный продукт деполитизации, гарантируется влиянием СМИ на культурные традиции низших социальных классов, на региональные и национальные меньшинства, которые загоняются в прокрустово ложе «упакованной культуры» при помощи информационного обмана.

Предполагается, что СМИ также становятся инструментом рекламной индустрии, нацеленной на безудержное потребление. Конечным результатом этих процессов является рост «ложного сознания», т.е. определенного психологического состояния, когда человек перестает осознавать свои собственные интересы, потому что мир бюрократии извращает человеческую жизнь. Но, несмотря на тот факт, что социальный порядок становится репрессивным и недостойным в рамках тесного взаимодействия между государством и промышленностью, большинство людей предпочитает мириться с такими условиями. Человеческое поведение становится пассивным, будучи пронизанным конформизмом. Люди лишаются выбора относительно того – какой вид продукции является для них наиболее



предпочтительным или в какой из форм демократии они желают принимать участие. Если они стремятся к безопасности и комфорту, они должны приспособливаться к стандартам существующей экономической и политической системы из страха подвергнуться маргинализации. Следовательно, идея власти народа оказывается мифом (12, ch. I; 13 p. 253-254). «Политическая свобода, - отмечает Маркузе, - означала бы освобождение индивидов от политики, над которой они не имеют эффективного контроля. Аналогичным образом, интеллектуальная свобода означала бы восстановление индивидуальной мысли, ныне поглощенной массовой коммуникацией и индоктринацией, ликвидацией «общественного мнения» вместе с его создателями. Нереалистичное звучание этих предложений показательно не вследствие их утопического характера, но вследствие мощи тех сил, которые препятствуют их реализации» (12, p. 4).

В настоящее время вовсе не кажется странным, почему такие критические пассажи, созданные более сорока лет назад, оказались более чем пригодными для анализа политических процессов, развивающихся в странах Центральной и Восточной Европы, а также в России с начала 1990-х гг. Не входя во все детали проблемы, связанной с методологическими подходами, равно как и с выбором критических теорий, пригодных для исследования сложных реалий посткоммунистического мира, можно только выделить ту основную перспективную линию, которая приводит к самой возможности проведения параллелей между посткоммунистическими странами и, например, США, которые Г. Лассуэлл уже в 1950-е гг. характеризовал как «высоко манипулируемое общество». Это сверхидеологизация политического процесса и политического дискурса, выявляющая основные ориентации новых политических элит.

Несколько лет назад канадский политолог польского происхождения Петр Дуткевич, вынужденный в свое время покинуть родину вследствие гонений, обрушенных правительством «Солидарности» на ученых-обществоведов, получивших ученые степени в престижных московских академических центрах, следующим образом обрисовал ситуацию, сложившуюся в посткоммунистических странах, переживших «бархатные революции»: «Одно из наиболее интересных наблюдений состоит в том, что посткоммунизм подпитывает глобализацию, которая, в свою очередь, является структурой, которая направляет и контролирует посткоммунизм. В этом плане, как мне представ-



ляется, то, что действительно в целом недооценивалось в недавних дебатах, так это воздействие самого посткоммунизма на процесс глобализации (читай: реакция периферии на структурные проблемы своего центра). Посткоммунизм, с *необузданной силой* оттеняющий свою сущностную структуру (т.е. направление, на котором происходит глобализация мировой экономики), а также способы, с помощью которых воссозданная структура (т.е. глобализирующаяся мировая экономика) формирует траекторию посткоммунизма, должны стать объектами дискуссии. Следовательно, в то время как глобализация или то, что некоторые более скептически настроенные наблюдатели называют интернационализацией, несомненно, не представляет собой ничего нового, путь, по которому она развивается со времен краха коммунизма, поставил новые и важные вопросы относительно ее содержания, значения, темпа и размаха.

Моя точка зрения состоит в том, что глобализация и посткоммунизм являются взаимными отражениями, совместно участвующими в определении того, что они отражают. Я доказываю, что глобализация и посткоммунизм могут рассматриваться и анализироваться как форма диалектического мимесиса (мимикрии или имитации) по отношению к друг другу. Особый характер подобной миметической рефлексии состоит в том, что она имеет способность показывать или представлять в истинном свете то, что где-нибудь в другом месте затушевано или неопределенно. Представляется, что это обстоятельство имеет особое значение в плане того, что посткоммунизм хочет сказать нам относительно обсуждаемой природы глобализации. Это означает, что проблематичная практика и опыт посткоммунизма, такие как широкомасштабные экономические и социальные расстройствa, беспощадная монетаризация политики, криминализация общества вместо “гражданского общества” и правового государства, целенаправленная деполитизация общества и т.д. являются не столько затруднительными “абберациями” или “отклонениями” от “правильного” пути глобализации (или “ошибочным исполнением”, допущенным восточноевропейскими политиками, или же, как говорят некоторые, “долговременным историческим вырождением”), но, скорее, грубыми проявлениями возникающих глобальных тенденций. В этом смысле, “реально существующая глобализация” в Восточной Европе может быть отражением процессов и структур, являющихся грядущими и для более индустриализированных стран» (14, с. 43-44). В определенном



плане «Восточная Европа служит в качестве “широкомасштабной лаборатории” для определения среднесрочных эффектов глобализации (среди прочих “результатов тестирования” мы, пережив десять лет трансформации, гораздо лучше информированы относительно того – насколько далеко можно притеснять рабочий класс, лишая его преимуществ государства всеобщего благосостояния; до каких пределов может дойти пауперизация прежде чем могут прорваться широкомасштабные социальные волнения; как эффективно манипулировать “свободными средствами массовой информации”; каковы политические и экономические издержки драматического подрыва социальных связей; каковы различные последствия глобализации, опосредованной различными культурами?). Это всего лишь несколько фундаментальных вопросов, на которые хотели бы ответить менеджеры капиталистического проекта. Восточная Европа (в сопровождении Латинской Америки и Африки) теперь способна выступить в качестве коллективного свидетеля по этим делам, потому что посткоммунизм находится впереди Запада по своему опыту глобализации (в том смысле, что, если продукт прошел проверку в лаборатории, необходимо некоторое время для того, чтобы его разместили на полках и он стал доступным для всеобщего потребления). Я полагаю, что Ирак является первым “произведенным продуктом” такого нового подхода» (14, с. 44-45).

Происходящие в посткоммунистических странах процессы во многом были предопределены сложившимися в эпоху «бархатных революций» новыми механизмами политической власти, видоизменившими стереотипы политического сознания и культуры. «...Посткоммунизм, - отмечает П. Дуткевич, - трансформировал те образы демократии, либерализма и капитализма, которые мы до сих пор знали. Вместо того, чтобы утвердить изначально заложенные в них эмансипаторские идеалы, посткоммунизм, пройдя по восходящей линии ряд экспериментов, явил себя, скорее, в виде процесса, посредством которого «жуткая» категория Запада – «политический нигилизм» («все позволено») – утвердил свое господство. Таким образом, в посткоммунизме политический нигилизм проявляет себя как сила, которая определяет сущность «посткоммунистического» капитализма и либерализма. Капитализм превратился в систему сложного симбиоза номинально легальных структур и «организованной» преступности, которая становится не только системной экономической силой, но также политическим актором,



обладающим собственными правами. В этом взаимопроникновении законного и незаконного, границы (возможные и дозволенные) нарушаются, профанируются или подвергаются эрозии и все то, что законно и что нелегитимно или незаконно, воспроизводят, опрокидывают и ниспровергают друг друга самым необычным образом. Вербально эта новая видоизмененная форма либерализма может быть [терминологически] продублирована как *«люмпен-либерализм»*. Часто люмпен-либерализм использует также популистские политические методы в период политических кампаний, немедленно забывая обещания сразу после следующих за ними выборов. В этом смысле, насколько это относится к главной экономической политике, в Восточной Европе не существует слишком большого разрыва между левой и правой... Путешествуя по Восточной Европе, обычно удивляются, обнаруживая те же самые поведенческие штампы, которые были характерны при коммунизме. Устойчивые злоупотребления и широко распространенная коррупция становятся системными. Шаг за шагом общественность, первоначально воспринявшая демократию с идеалистической эйфорией, стала в ней разочаровываться (это задокументировано многочисленными опросами общественного мнения в большинстве восточноевропейских стран). Подобного рода фрустрация отражается, например, в нарастающих волнах нетерпимости по отношению к меньшинствам, антисемитизме и раздражительности в ряде аспектов женского вопроса. Такая ситуация подводит к вопросу об обоснованности нео-либеральных предписаний относительно трансформации и способности нео-либералов к такому видению, которое в настоящее время помогло бы справиться с решением соответствующих проблем. И даже более того, существует некоторое сходство между новой и старой системами. Особенно заметно, что коммунистический и посткоммунистический способы присвоения имеют одну важную общую черту: сущность этой власти заключается в ее нигилистическом характере. Такая власть может быть определена как неуважение или безразличие к самим понятиям справедливости и общего блага (если последние рассматривать в их национальном аспекте или же с точки зрения интересов сообщества). И наоборот, нигилистическим ядром такой политической экономии являются стремление и относительная свобода преступать границы блага и дозволенного, включая мораль и позитивное право. Для этих целей посткоммунизм позаимствовал язык демократии и капитализма в качестве средства легитимизации и как модель для подражания» (14, с. 43, 42).



Я не случайно привел столь пространные выдержки из доклада польско-канадского политического аналитика, поскольку, как мне представляется, они наиболее полно характеризуют сущностные черты происходящих в странах Центральной и Восточной Европы политических процессов, в том числе и на постсоветском пространстве. Возвращаясь к проблеме антропологического подхода к современным международным процессам, я хотел бы, в первую очередь, отметить правомерность суждения Л. Браги относительно того, что «механический перенос западных моделей и норм политических взаимодействий в условия, характеризующиеся ярко выраженной национально-исторической спецификой, никогда не даст положительных результатов. Напротив, западная модель может оказаться не только малоэффективной в ином социально-историческом контексте, но и рискует быть отторгнутой сложившейся системой ценностей как «чужеродная культура», не согласующаяся либо противоречащая сложившимся политико-культурным традициям» (3, с. 191).

Можно вполне согласиться с идеей, сформулированной в докладе проф. В. Саковича. «Объективный, социально и исторически обусловленный процесс глобализации, - отмечает он, - порождает и глобализацию человека. Современный человек все более отходит от привычного традиционного мышления. У него стираются грани между важным, принципиально нужным и незначительным, преходящим. На него большой, неизгладимый отпечаток (и не всегда лучший) накладывает глобальная информационная среда. Поэтому в условиях глобализирующегося мира возникает объективная необходимость формирования у молодого поколения через систему образования глобального мышления и понимания процессов, идущих в мире. В этой связи в осознании и постижении новейших реалий мирового развития – процесса глобализации значительно возрастает роль образовательной сферы» (1, с. 156). Однако нельзя, на наш взгляд, забывать и о том, что характерные для глобализации процессы таят в себе постоянную угрозу той образовательной традиции, которая возникла в эпоху расцвета западноевропейской цивилизации. Возможно, именно с ее возрождения возникнет и перспектива преодоления тех негативных тенденций, которые пронизывают все без исключения регионы современного мира.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Сакович В. Глобалистика: новое научное направление и образовательная дисциплина о глобальном мире (из опыта исследовательской и преподавательской деятельности в Государственном Институте международных отношений Молдовы) // *Relațiile internaționale – domeniu specific de activitate intelectuală. Contribuția instituțiilor de profil. Materialele Conferinței științifico-practice internaționale, consacrate aniversării a X-a a Institutului de relații Internaționale din Moldova*, 2 aprilie 2013, Chișinău, 2013. p. 151-161.

2. Яскевич Я. Глобальные политические риски и сценарии цивилизационного развития // *Ibid.* p. 169-180.

3. Брага Л. Ценностно-политическая основа развития международных отношений в контексте глобального демократического процесса // *Ibid.* p. 181-192.

4. Роговая Г. Толерантность в международных отношениях как нравственная установка // *Ibid.* p. 269-278.

5. Антон Джулио де Робертис. Администрация Рузвельта и коллективная безопасность. Проблема enforcement в 1942-1945 гг. Перевод с итал. и ред. проф. В.А. Гуторова. Издательство С.-Петербургского университета, 2003.

6. Morgenthau H.J. *Scientific Man versus Power Politics*. Chicago & London, 1967.

7. Sorel G. *Reflections on Violence*. Transl. by T. E. Hulme and J. Roth with an introduction by Edward A. Shils. New York, 1967.

8. Шпенглер О. *Закат Европы*. М., 1993, Т. I.

9. Валлерстайн И. *Анализ мировых систем и ситуация с современным миром*. СПб., 2001. 10. Крауч К. *Постдемократия*. М., 2010.

11. Гидденс Э. *Социология*. М., 1999.

12. Marcuse H. *One-Dimensional Man*. Boston, 1964.

13. Ellul J. *The Technological Society*. With an Introduction by Robert K. Merton. New York, 1964.

14. Дуткевич П. *Асимметричная власть, ересь и посткоммунизм: несколько мыслей*. Пер. с англ. В.А. Гуторова // *ПОЛИТЭКС (Политическая экспертиза)*. 2006, № 4.

gut_50@mail.ru